

С. С. Петряшин

Русские рабочие как «новые люди»:
скульптурные портреты 1950-х годов
работы М. К. Григорьева в собрании
Российского этнографического музея

Петряшин Станислав Сергеевич, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник, кандидат исторических наук; s-petryashin@yandex.ru

В докладе прослеживается история четырех гипсовых бюстов передовых русских рабочих, созданных скульптором М. К. Григорьевым по материалам экспедиции Государственного музея этнографии народов СССР в 1954 г. в гг. Горький и Иваново. На примере скульптурных портретов автор раскрывает темпоральную структуру идеологического концепта «нового человека» и выделяет три поколенческих типа советских «новых людей» – прошлого, настоящего и будущего. Отношения между этими тремя типами «новых людей» описываются через сочетание темпоральностей предметности и разрыва.

Ключевые слова: рабочие, «новый человек», скульптурные портреты, М. К. Григорьев, Государственный музей этнографии народов СССР, советская темпоральность.

На рубеже 1920–1930-х гг. перед советскими музеями была поставлена задача формирования «нового человека». Одним из способов идеологического воспитания посетителей Государственного музея этнографии (ГМЭ)¹ стала популяризация «новых людей», их образов и поступков². На примере четырех скульптурных портретов передовых рабочих, изготовленных М. К. Григорьевым (НВ 3724–3727), автор доклада демонстрирует заложенную в советский концепт «нового человека» темпоральную логику и на ее основе выделяет три поколенческих типа «новых людей»³.

В конце 1940-х гг. в советской этнографии появилось новое направление – изучение быта и культуры рабочих⁴. В планах музея в приоритете было строительство экспозиции по русскому народу с отдельным залом, посвященным современным рабочим. Для сбора материалов музей организовал ряд экспедиций, среди которых

особо отметим экспедицию 1954 г. в составе этнографов Е. Н. Студенецкой, С. А. Павлоцкой и скульптора М. К. Григорьева. Исследователи в течение двух месяцев изучали рабочих «Красного Сормова» (г. Горький) и «Красной Талки» (г. Иваново).

Скульптор Михаил Касьянович Григорьев (1913–1973) родился в д. Заболотье Мошенского р-на Новгородской обл., преподавал в художественной студии при Боровичском комбинате «Красный керамик»⁵. В экспедиции ГМЭ он выполнял роль фотографа, художника и скульптора⁶. За время полевой работы Григорьев создал ряд этюдов, которые предполагалось использовать при изготовлении музейных манекенов⁷. Они были вылеплены с натуры из пластилина на каркасе из папье-маше. Для обеспечения сохранности при перевозке скульптор на месте снял со всех этюдов гипсовые формы, по которым в дальнейшем изготавливались сами гипсовые бюсты.

Полевые наблюдения вдохновили скульптора на воплощение образов двух поколений: «старых сормовских рабочих с их славным революционным прошлым и молодых, бодрых, энергичных рабочих нового Сормова»⁸. Для поиска моделей в комитете комсомола во время обеденного перерыва в присутствии Григорьева устраивали «смотрины» молодых людей и приглашали их на «непринужденную беседу» с руководителями комсомольской организации. По словам скульптора, для участников экспедиции и для руководящих работников завода большое значение имело, чтобы «выбранная для этюда модель была хорошей не только по типуажу, но и по производственным показателям. Это было законное стремление показать лучшего передового человека нашего времени»⁹. Таким образом, не каждый рабочий мог претендовать на место образцового «нового человека».

По итогу «смотрины» в «Красном Сормове» для позирования была выбрана Н. С. Тарасова, 1931 года рождения (НВ 3725) – потомственная рабочая и газосварщица, выполняющая нормы на 125%. По рекомендации Е. Н. Студенецкой и С. А. Павлоцкой в качестве модели пожилого возраста выступил И. В. Чугунов, 1887 года рождения (НВ 3726) – котельщик, персональный пенсионер, старый большевик и участник вооруженного восстания сормовских рабочих в 1905 г. По тому же принципу выбирались модели и на фабрике «Красная Талка» в г. Иваново. Григорьевым были выполнены три этюда: «старой производственницы-прядильщицы Мальковой А. С., молодой прядильщицы Архиповой Г. М., выполнившей пятилетний план, и опытного раклиста Афенкова А. И. Все эти [люди] являются лучшими производственниками»¹⁰. В собра-

нии РЭМ из Иваново только два бюста – Мальковой (НВ 3724) и Афенкова (НВ 3727).

Два поколения рабочих у Григорьева четко противопоставлены. Образы «старых рабочих» (Чугунов, Малькова) обращены в славное революционное и трудовое прошлое – в такой перспективе их можно скорее охарактеризовать как «новых людей» прошлого, сражавшихся в молодости за коммунистическое будущее. К этому поколению относил себя Л. Д. Троцкий: «Мы с вами, по справедливости, гордимся принадлежностью к этому типу, но нашей работой мы подготовляем условия для такого общества, где не будет классового антагонизма, не будет революций, а стало быть, не будет и революционеров»¹¹. Зрелые люди, которые уже вряд ли доживут до полной победы коммунизма, таким образом, отделены от «новых людей» утопического будущего.

Пожилые рабочие, однако, отделялись не только от «нового человека» будущего, но и от «передовых» молодых рабочих. Именно последние воплощают в скульптурах Григорьева образ «нового человека» настоящего. Молодые модели (Тарасова, Афенков) были рождены и воспитаны при советской власти и могли не только строить коммунизм, но и предполагать, что доживут до него и увидят «новых людей» будущего. Этот исторический оптимизм был заложен еще В. И. Лениным в его речи в 1920 г.: «Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество»¹². Срок воплощения коммунизма, однако, по ходу истории постоянно смещался в будущее.

Таким образом, можно говорить о темпоральности преемственности¹³ и исторической последовательности между тремя поколениями «новых людей» – прошлого, настоящего, будущего: пожилые рабочие, которые были «на острие» исторического момента в славном прошлом, передают символическую эстафету молодым рабочим, совершающим трудовые подвиги в настоящем и приближающим появление людей коммунистического будущего. В рамках этой прогрессистской логики в скульптурных портретах современных рабочих Григорьева «новые люди» будущего непосредственно отражения найти не могли.

Темпоральность преемственности устанавливала между тремя типами «новых людей» непреодолимую временную дистанцию. Темпоральность социалистического реализма, однако, ставила под вопрос линейное время¹⁴: «новые люди» настоящего не просто стремились к светлому будущему и строили его, но являлись его

предзнаменованиями и воплощениями. Такое спрессовывание, наложение разных временных пластов свойственно темпоральности разрыва. Так, запечатленный в скульптурах Григорьева образ советской действительности, в которой женщины-рабочие представлены пропорционально мужчинам и успешно осваивают ранее недоступную профессию газосварщика, представляет собой не реальное, но должное – «ростки будущего в настоящем», предвосхищающие полноценный коммунизм с гендерным равенством.

Описанная поколенческая структура «нового человека» не является особенностью 1950-х гг. и воспроизводилась с определенными вариациями с середины 1930-х по 1980-е гг. Важно, однако, отметить, что, в отличие от «новых людей» коммунистического будущего, «новые люди» советского настоящего всегда принадлежали к определенному классу и национальности. Это усложняет картину, так как темпоральные иерархии между классами и народами переплетались со сменой поколений «новых людей».

¹ С 1948 г. ГМЭ народов СССР; с 1992 г. – Российский этнографический музей (РЭМ).

² Petriashin S. A New Man in the Ethnographic Museum: Between the Socialist Content and the National Form//The Art and Science of Making the New Man in Early 20th-Century Russia. Bloomsbury Publishing, 2021. P. 175–193.

³ Понятие «нового человека» всегда подразумевает темпоральные отношения – прогивопоставление «старого» и «нового», определенную интерпретацию прошлого, настоящего и будущего человечества (см.: Kremontsov N. Introduction//The Art and Science of Making the New Man in Early 20th-Century Russia. P. 1–23).

⁴ Подробнее см.: Петряшин С. С. Рабочие в советской музейной этнографии 1950-х годов: классовый анализ и политика времени//Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 157–175.

⁵ Дронникова Е. С. Художественная студия // URL: https://бко.рф/museum/news_museum/?news_id=13358

⁶ По итогу экспедиции в собрание музея от М. К. Григорьева поступило 116 фотографий (колл. 9051), 14 рисунков и планов жилищ рабочих (НВ 3969–3983), а также 4 гипсовых бюста.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 209. Григорьев М. К. Опыт работы скульптура в этнографической экспедиции в гг. Сороме и Иванове. 1955 г. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Троцкий Л. Задачи коммунистического воспитания//Соч. в 23 томах. М.; Л.: Госиздат 1927. Т. 21. С. 328.

¹² Ленин В. И. Задачи союзов молодежи//Полн.собр.соч. в 55 томах. М.: Издательство политической литературы, 1981. Т. 41. С. 317.

¹³ О советских темпоральностях преемственности и разрыва (у других авторов: традиционалистской/ революционной; монументалистской/эсхатологической; рациональной/харизматической) подробнее см.: Hanson S. E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997; Buck-Morss S. *Dreamworld and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in East and West*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000; Платт Дж. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Издательство ЕУСПб., 2017.

¹⁴ Добренко Е. *Политэкономия соцреализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

UDC 39;069

S. S. Petriashin

Russian Workers as “New Men”: Portrait
Sculptures by M. Grigoriev (1950s)
in The Russian Museum of Ethnography

Petriashin Stanislav Sergeevich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, researcher, Ph. D. (History); s-petryashin@yandex.ru

The paper traces the history of four plaster portrait busts of pioneering Russian workers made by M. Grigoriev following a research expedition by The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR to Gorky and Ivanovo cities (1954). The author uses the portrait sculptures to uncover the temporal structure of the “new man” ideology concept, exemplifying the three types of new soviet men: the past, the present and the future. The relationships between those three types are described using a mix of continuity and discontinuity temporalities.

Keywords: workers, “new man”, portrait sculptures, M. Grigoriev, The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, soviet temporality.